

Абай Кунанбаев

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Перевод с казахского Вс. Рождественского

Казахстанское краевое издательство
Алма-Ата 1936 Москва

Абай Кунанбаев—крупнейший казахский поэт-классик и основоположник казахской письменной поэзии и литературного языка.

Высоко одаренный, идейно и культурно переросший своих современников на целое поколение, Абай Кунанбаев прежде всего — поэт гражданской скорби прошлой эпохи, когда казахский народ находился на положении колониального раба русского царизма.

Творчество Абая Кунанбаева очень многогранно. Мотивы молодости, весны, любви и дружбы—жизнь во всем ее многообразии нашла отражение в творчестве этого большого поэта.

В настоящий сборник включены произведения Абая Кунанбаева, наиболее ярко показывающие социальное лицо поэта и его высокое поэтическое мастерство.

ВЕСНА

Еще сыростью дышит весенний двор,
Но поля—словно шелком расшитый ковер;
Солнце взором ласкает, как нежная мать,
Позолотой покрыло дорог простор.

Обитатели гор и зеленых низин —
Все приветствуют шумно весну, как один.
И минутку урвав от забот деловых,
Мило шепчется юность под тенью осин.

Во дворах блеют овцы и стонет верблюду,
Шмель гудит, свищут птицы и мошки снуют;
И деревья, склоняясь с цветущих лугов,
Смотрят в бурные реки и ласковый пруд.

Утки косо взлетают с прохладных озер,
Дети ищут яичек, чей яростный узор,
Низвергаются беркуты с синих высот
На добычи стремглав, и навстречу к тому,
Кто наполнил отменной дичью суму,
С благосклонной улыбкою дева идет.

На верблюдах увозит товары купец,
Сев в разгаре — томленью зимы конец.
В клочкотаньи работы — дохода залог,
И уж дарит приплодом стадо овец.

Солнце льет свою милость — живительный свет.
И весь мир, словно в праздник, богато одет.
Кормит травы набухшею грудью земля,
И предела просторам синеющим нет.

Перед солнцем склоняется тихо душа.
Жизнь, лишенная холода, так хороша!
Как волнуется сердце в горячих лучах,
Как трепещет оно, ликованием дыша!

Солнце скроется — звезды плетут свою сеть,
Всходит месяц — им так никогда не гореть.
На рассвете же, перед разгаром зари,
Все они начинают бледнеть и тускнеть.

Дышат страстным желаньем солнце — жених,
И невеста — земля, вся в цветах живых,
И поэтому, только зажжется заря,
Меркнут звезды; невесте — земле не до них.

Ветер шепчется с месяцем, степь шевеля,
И на пиршестве светлом ликуют поля,
Белый траур на свежую зелень сменив,
Улыбается полная счастьем земля.

Землю мучал в разлуке мороз и туман,
Но теперь ей возлюбленный в спутники дан.
Поцелуями, ласками утомлена
Рассцвела, засияла она, как фазан.

В очи солнцу глядеть не решаясь в упор,
Растворилась душа в теплоте с этих пор,
И я видел, как солнце, склонясь над землей,
Опускалось, горя, в златотканый шатер.

1890 г.

О С Е Н Ь

Туча мрачная покрыла небосвод.
Это осень к нам с туманами идет.
И от мрака иль от холода — как знать? —
Кобылица вновь копытом землю бьет.

Сочных трав не видно средь степей.
Где смех юношей? Веселый гам детей?
Словно нищие-старухи, деревья
Тянут пальцы обезлиственных ветвей.

Кто-то шкуру мнет, глядит в горячий чан, —
Выцветший в клочках его кафтан.
Молодухи чинят юрты шерстью той,
Что заботливо напярл за лето стан.

Длинной стаей журавли на юг летят.
А под ними верблюдов горбатый ряд.
Все аулы приуныли, глянь, вокруг! —
Нет ни игрищ, ни прогулок у ребят.

Но бодрятся старики — и там, и тут,
Деловито по степи они снуют.
И, за крысами охотясь, рыщут псы —
Дома косточки им больше не дадут.

Тучи пыли гонит ветер на пути,
Вкруг кузеу* ни травинки не найти,
Будь же проклят ты, обычай старины,
Что огонь боится в юртах развести!

* Кузеу — осенняя стоянка.

З И М А

В белой шубе, толст в седине волос,
Слеп и нем, сердит, с бородой до пят,
Коченеющий в блеске инея,
Сапогом скрипя, к нам идет мороз.

Он — сварливый сват, все его бранят.
Запушен пургой, в ледяных ветрах,
В шапке мехом вверх, как снега пушист,
Он идет, и щеки его горят.

Словно тучи, белых бровей навес, —
Чуть кивнет — и снег закружит столбом.
Юрту белую прошибает дрожь,
Коль в просторе он заревет ночью.

Коченеют руки, лица горят,
У ребят, что бегают целиной,
И пастух, закутанный в бараний тулуп,
Потеряв терпенье, к ветру стал спиной.

Добрый конь гребет копытами сугроб.
Он не хочет сдаться, хоть едва бредет.
Вместе с зимней стужей кажет морду волк.
Эй, пастух! Будь зорок! Береги свой скот!

Загони баранов на остатки трав,
Стереги их крепко ночи напролет.
Пусть не зверь их будет есть, а Кондыбай,
Пусть проклятый хищник так, ни с чем уйдет.

. 1888 г.

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
Но по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча,
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом — дерево шелестит,
В небе — звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир для обоих молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Таит сердце, побеждено,
И слабеют колена, и
Наслаждение заволокло
Взоры легкой слезой любви.

Где вы мысли и где слова? —
Он уж близок, забвенья час.
Победительница любовь
Обойдется теперь без вас!

Глаз моих ты зрачек,
И души огонек.
Эту рану любви
Залечить я не мог.

Ни ученый средь книг,
Ни почтенный старик
Не уверят, что есть
На земле твой двойник.

О тебе мой рассказ,
Слезы льются из глаз,
Я готовлю слова
Что скажу в должный час.

Но любовь затая,
Буду сдержанным я.
Все ты знаешь сама —
Коротка речь моя.

Ум во взгляде твоём,
Нету мягкости в нём.
Независима ты,
Строго смотришь кругом.

Всех печалью томишь,
На признанья молчишь.
Я пылаю, горю,
Ты бесстрастно глядишь.

Косы льются волной,
Чуть не сажень длиной,
Лоб широк, светел лик!
О, лицо мне открой!

Бровь тонка, смел зрачек
Кто б насытиться мог?
Зубы снега белей,
Алый рот, как цветок.

Вся ты гнешься, легка,
Слыша вздох ветерка.
Нежно тело твоё,
Словно стебель цветка.

Дорогая моя,
Умоляю тебя —
Дай собою очам
Насладиться, любя!

Грусть твоя, как зима,
А лицо, как весна.
Смех твой — трель соловья —
Всех нас сводит с ума.

Недовольной не будь
И обиды забудь.
Все добро и всю жизнь
Положу на твой путь.

Ты — цветка аромат;
Очи — солнцем горят.
Тает тело мое,
Кости, плавясь, кипят.

Став над славой своей,
Всех ты в мире светлей,
Мой немеет язык
Пред красою твоей.

Страстью дышит твой взгляд,
Ты — источник усад,
И тебя полюбить
Предписал нам «суннат» *!

Чтобы я ни сказал —
Слишком мало похвал.

* „Суннат“ — правило, обычай, изречение.

Еслиб только тебя
Я еще увидал!

Тесен юношей круг.
Кто же тайный твой друг?
Сердце бьется мое.
Слов найти не могу.

Мне ль к ногам не упасть!
Надо мной твоя власть,
Лишь услышу я смех,
Разжигающий страсть.

Что мечтать нам в тиши?
Каждый к цели спешит.
О, наступит ли день
Утоленья души?

1891 г.

О КРАСОТЕ

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный ее легок, узок и прям,
Розов отсвет ланит — удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Влещут зубы, подобные жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья,
Смех, что рокот залихватый соловья,
Шея — шелк белоснежный, гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохлада тая.

Средний рост у нее, по величеству вид,
Тонкок выгиб спины, прямо, смело глядит.
Камышинкою легкой сгибается стан,
И не дрогнут два яблока на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок.
Не владея собой, разбегается взгляд,
Если косы рассыпят свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но не надолго дан им душевный покой.
На прекрасной заре восемнадцати лет
Грудь, упругое яблоко, сжата рукой.

Затаили лукавства, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, ведя
Жизнь кокетства, ужимок и болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно.
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те — скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не расстратил себя на тщеславьи пустом,
Кто себя воспитал на полезном труде,
Кто работал, хотя бы простым пастухом.

1884 г.

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И «шолпы» *, отвечают движениям в лад.
Взор под шапкой бобровой — кумыс для глаз.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд.

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек
с ней?

Высока, с легкой ножкой, пленительный
стан...
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Все мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчек.
А лицо к ней наклонишь, горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

1889 г.

* Шолпы — украшения, вплетенные в косы.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Бессловесен язык любви.
Сердце к сердцу взором зови.
Юность знает всегда свой путь,
Если только любовь в крови.

Сам ты этот знавал язык,
И умел итти напрямик,
Но теперь его понимать
Ты уже навсегда отвык.

1894 г.

ПОСЛАНИЕ ЮНОШИ К ДЕВУШКЕ

Привет тебе, Каламкас!
И жизнь и скот хоть сейчас
Отдам тебе. От тоски
Уж слезы льются из глаз.

Красавиц видывал свет,
Но лучшей девушки нет.
Лишь ты узнаешь одна
Души моей жар и бред.

Я сам человек прямой,
Я верен тебе душой,
И если нас разлучат,
То сердце будет с тобой!

На дев не гляжу других,
Совсем мне не нужно их;
Ах, если б я мог вдыхать
Грудей аромат тугих!

О, дай забыть обо всем
С душой, опьяненной сном,
Пусть расплетется твоя
Коса на плече моем.

О, как я люблю твой стан!
Слова мои — не обман;
Тобой обладать одной
Мне жребий прекрасный дан.

Когда в дыхании тепла
Сольются наши тела,
И пылкая плоть моя
В блаженстве сгорит до тла,

Когда в порыве страстей,
К тебе я лечу живей —
В стремлении добычу взять,
Я словно сокол степей.

Во всем ты отрада глаз,
Гляди хоть тысячу раз.
Все больше к тебе влечет,
Милее ты, что ни час.

Ты — пестрокрылый фазан,
Давно я тобою пьян,
Прижмись всем телом ко мне,
Дай крепче обнять твой стан!

1889 г.

ПОСЛАНИЕ ДЕВУШКИ К ЮНОШЕ

Так тонка твоя похвала,
Что кружится голова,
Девичий податлив ум —
Ты должен беречь слова.

Не мало у нас примет
Хороший парень иль нет.
И если хороший — то
Торопит сердце ответ.

С умом твоя дружит речь,
Должна я себя беречь,
Я — масло, она — огонь
Ну как ей меня не сжечь?

Полюбишь — я вся твоя,
Разлюбишь — несчастна я,
И станет всех на земле
Несчастней доля моя.

Ведь ты меня втопчешь в грязь,
Уйдешь, надо мной смеясь.
Не дай же привыкнуть к тебе,
Твою почувствовать власть.

Я стану тоски мрачней,
А дух мой земли черней,
Постель, где я без тебя,
Могилой станет моей.

Как сокол ты, чей полет
К высокой славе ведет
Я ж только одна из тех,
Что ждут у твоих ворот.

И коль полюблю я — знай —
То хлынет страсть через край —
О, сокол, я твой фазан,
Когти меня, рви, терзай!

В объятиях твоих, гибка,
Согнусь я стеблем цветка,
И будет, о милый мой,
Мне тяжесть твоя легка!

Обдумав, писала я,
И взвешена мысль моя.
Поймите, юноши, все,
Что в слове тайла я.

Кто вправду меня поймет,
В ком слово костер зажжет,
Пусть сложит песню любви
И для других пропоет.

Собравший стих за стихом
Поющий, как мы поем,
И сам попадет в беду,
Коль с этой песней знаком.

1889 г.

Ты помнишь молодости пыл,
Когда надежд ты полон был!
Беспечный, ты забот не знал
Друзей повсюду находил.

* * *

Любовь, богатство, счастья дни
Все это было мне сродни.
И цель близка, и ум мой чист,
Те дни — вернутся ли они?

* * *

О, где же, где же те года,
Когда был счастлив я всегда?
Отодвигаясь от меня,
Они исчезли без следа.

Ах, я готов их проклинать
И тосковать, и вспоминать

Ушли и радость и друзья.
Стой! Все равно их не догнать

* * *

Где слезы, чтобы плакать мне?
Терпенье — твердым стать вдвойне?
Хочу я сердце исцелить
И закалить его в огне.

1899 г.

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом.

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,
И все, что было мечте сродни,
Живую плотью одето вновь.

Снова, глотая прежний яд,
Я утопаю в нем с головой.
Люди, которые вкруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отравы нет,
Какой бы не выпил до капли я?

Радость жизни, о сердце, пей,
Но стихи для тебя нужней,
Ведь когда ты их говоришь,
Ты уходишь от всех скорбей.

* * *

О, язык мой, рыдай и пой!
Пусть проснется душа с тобой,
Пусть поплачет и слезы пусть
Мне на грудь побегут струей!
Слов моих не понять глупцам,
Что во тьме бродят здесь и там,
Только умный услышит их,
Тот, кто сердцем пылает сам.

* * *

А никто стихов не поймет —
Им откликнется сердце мое.

Насладится сокрытым в них,
И печаль души всколыхнет.

* * *

Пусть плывут они чередой,
Пусть огнем встают надо мной.
А потомкам, когда умру,
Пусть останется стих живой.

* * *

Неудачный, как я, поэт
Обратит к ним души привет,
Отзовется на голос мой,
Буду словом моим согрет.

* * *

Что хвала мне толпы глупцов,
То, что каждый сказать готов.
Пусть один, но умный, поймет
Верный смысл сокровенных слов.

1890 г.

Я стихов не пишу для забав людских,
Чтоб побольше собрать небылиц былых,
Я пишу, чтоб чему-нибудь научить
Тех, кто молод и чуток, кто сам поэт.
Верхогляду речей моих не оценить.
Только чуткому сердцу я шлю привет.

* * *

Слушай смело, но будь прямодушным сам,
Что мне в том, коль беспечно скользнешь по верхам.
Так как с детства таких не слышал ты речей,
То сначала не сможешь понять их огня.
Я дивлюсь, что, не свыкшись с речью моею,
Просишь песен моих, беспокоя меня.

* * *

Нет в реченьях моих ни Хазрета-Али,
Ни дракона, ни девы с косой до земли,

Я проклятий стихами не шлю старикам,
Молодежи не порчу беседой своей.
Если речь моя бедною кажется вам
Вы поймете потом правду, скрытую в ней!

* * *

Сыновья у батыров — строптивы, жадны,
И считаться с повесами мы не должны.
Ведь замечено: тот, кто горяч на словах,
Глуп, бесчестен, не может собой управлять
И не знает хозяйства. И ты при глупцах,
Зубоскалах, бездельниках — слова не трать.

* * *

Брат, умело владеющий словом своим,
Я прошу, позабудь беспечную речь,
От которой нет пользы тебе и другим,
Ведь искусство обязаны мы беречь.

Стих — это вождь среди слов, ценнейший
их отбор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова ровны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

* * *

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

* * *

«Аят кадис» * сперва, пословицы потом,
За ними шел «баит» ** и речь была шитьем.

* „Аят кадис“ — изречение из корана, начало всякой речи, стихов.

** „Баит“ — религиозная ода.

Не стоило б ее к пророку обращать,
Лишенной разума и бедною стихом!

* * *

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
Одних избранников он радует собой.
Но кто сумел сложить в народе звонкий стих,
На вид — серебряный, посути — золотой?

* * *

Коль вспомнить, что за речь у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы, —
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

* * *

Под домбру стих они певали в час ночной
И к каждому его стремили с похвалой.
Свой вес от этого утратили слова,
Став средством кланчить хлеб пред праздною толпой.

* * *

И слово и душа, — чтоб только дали скот,
Кого обманом взять, кому воздать почет.
Так, в нищете бродя среди чужих племен,
Они, проклятые, лишь свой хвалили род.

* * *

Искали богачей, у коих гордый нрав,
Но сами баями не стали, скот собрав.
Казахам кажутся пустыми их стихи,
Утратившими смысл для суетных забав.

Пословиц стариков в моем запасе нет.
Я ныть из-за скота не стану, как поэт.
Иные у меня слова, иначе слышат их,
И тот, кто слушает, сейчас мне даст ответ.

* * *

Когда б я пел о тех, кто грабил бедняков,
Иль девушек красу восславить был готов,
Меня бы слушали, дыханье затаив,
Не находя цены для легковесных слов.

* * *

К реченьям разума упорно глух народ,
Пренебрегая тем, что нас к добру ведет.
Невежд, захватчиков, чванливых — не сочтешь.
Не обижайтесь же, коль стих мой больно бьет.

* * *

Иные там и тут из кожи лезут вон
И к тепленьким местам ползут со всех сторон.
Но что они поймут, пока хотя б один
Из тысячи — умом не будет вознесен.

* * *

Стремление к скромности, терпенье, совесть, честь
Никто здесь нужными уж не желает счесть,
Не ищет знания, не хочет жить умом,
Злословие и ложь взбивая, словно шерсть.

1887 г.

КУМЫС

Кумыс, питье казаха,
Ты пища нам или честь?
Ведь жирный нужен кусок,
Чтоб этот кумыс заесть.

Прохладному кумысу
Баранину вслед готовь.
А если молоды мы,
Кумыс горячит нам кровь.

Пей лучше тихий айран,
На смирном ездь коне,
Чтоб вору не послужить
Добычей в родной стране.

За табуном с холма
Следит он — во все концы.
Нет, если прикинуть умом,
Чем лошадь лучше овцы?

Не стоит из-за коней
Гнуть спину перед толпой.
Не хвастайся, говоря,
Что сладок кумыс степной.

Не стоит кичиться зря,
Внимать совету глупца.
Уж лучше — в кармане грош,
Одна, но своя овца!

1901 г.

Я не думал о знаньи, как был молодым,
Хоть и видел, что легче живется с ним.
Вырос я, но мне в руки оно не далось.
Я бежал за ним после, жаждой томим,
Кто ж виновен в том, что невежда я?
Не страдал бы я так, если б был другим!

* * *

Дети — самая высшая радость у нас.
Сам всегда я желал обученья детей,
Отдал их в медресе с тем, чтоб стали умней,
А не с тем, чтобы шли им чины от людей.

* * *

Все стремился я ввысь, восходил к облакам,
Первым был средь казахов по умным речам
Только нет никого, кто бы понял мой труд —
Что ж, покой обрести я согласен и сам!

1885 г.

Чего ты ищешь, сердце, что с тобой?
Открой скорей мне правду, не таись.
Ты кружишь в небе, я забыл покой,
Поделится же мыслями. Вернись!

* * *

Тем воздают у нас почет прямой,
Кто хвалить давно привык народ.
Но можно ль обольщаться похвалой,
Коль искренности в ней недостает?

* * *

Хвала — нам вред несет, то звук пустой.
Она впервые сказана льстецом.
Мне мил лишь тот народ, что, чтя хвалой,
Злословием не уязвит потом.

Народ свои слова готов продать.
Но для чего тебе их покупать.
Ведь в них ты постоянства не найдешь —
На них лежит двулличия печать.

* * *

Не покупай продажных этих слов,
Ты совести не сыщешь у купцов.
Равны все ассигнации ценой,
Чтоб лучшие найти, не трать трудов.

* * *

Тщеславия не стану я рабом,
Свободным буду жить всегда умом,
Ничтожества не мало в мире есть.
Пусть я умру, — но не склонюсь челом.

* * *

И жизнь и мир, — как люди говорят, —
Текут водой, и не придут назад.
Не думай о былом добре и зле,
Затем, что сердцу эти мысли — яд.

1892 г.

В се длиннее синяя тень,
Все туманней для взора даль,
Догорает в закате день,
И тускнеет небес эмаль.

Сердце горем утомлено,
Поселился в нем мрак ночной.
Тайно с сумерками оно
Завело разговор живой.

Прежних горестей, давних ран
Хочешь вновь подвести итог.
Жизнь былая — ушла в туман,
Тщетно ищешь ты к ней дорог.

Все ненужно, что наугад
Можешь в ней воскресить, найти.
Даже сердце забрызгал яд
Тех цветов, что ты рвал в пути.

И скулит твой ум, как щенок,
И взывает к народу он.
Уж раскаялся ты, но срок
Наступает, и путь снесен.

В сорняках места нет для ржи.
В сердце только полынь — смотри.
Привыкай же спокойно жить
И спокойно в свой час умри!

1895 г.

Далекий путь за моей спиной,
В лицо мне веет могильной тьмой,
Но все еще ловок мой язык,
В слове моем — лазурь и зной.
Все хорошо, — но я говорю
С непонимающей толпой.

Я столько прожил на свете лет,
Душа во мне едва жива,
Но разве нашелся хотя б один,
Кто бы услышал мои слова?

Я шел высокой тропой средь скал,
Я бился с невежеством, я устал,
Но вот уже близок перевал.
Без всякого страха, легко дыша,
Не замедляя и не спеша,
Над пропастью ставь свой шаг, душа.
Пускай не давит тебя печаль,

Не думай о том, чего нам жаль,
Учись бесстрастно глядеть вдаль.

Как птенчик, ершащийся в гнезде,
Не прячь свою голову под крыло,
Забудь о страхе и ринься ввысь,
Где так просторно и так светло.

Но на душе густая грусть,
Бессилен пред нею мой язык.
Я чувствую — время моим словам
Уйти в иступленный и горький крик.

Она созрела, моя печаль,
Уже занялся в груди пожар —
Мучительно хочется мне отдать
Последнему слову последний жар.

Но кто же, душа, тебя поймет?
Во тьме и неволе живет народ!

Вседневной преданный суете,
И сам был охвачен я властью зла,
Не отвращал от него лица
И часто душа моя лгала.

Но не ищу я далеких стран
И не уйду от земли родной.
Пусть я в невежестве темном жил,
Мне очень стыдно, что я такой.

Ж ланий в старости все более у нас.
С опаскою гляжу на юность я сейчас —
Как будто вкруг меня захватчики одни,
Не труд,—завистливый мне всюду виден глаз.

* * *

Бай взял и говорит: когда-нибудь я сам
Все, в чем нуждаешься, тебе с лихвою дам.
А бий и волостной берет, чтоб богачам
Убытки возместить — на горе беднякам.

* * *

Бедняк берет, чтоб долг вернуть своим трудом
Пятидесятник же, чтоб отплатить шаром*,
А просто нам чужой берет и говорит:
«Попробуй мне не дать, сочту тебя врагом».

* Дать голос на выборах.

Берет порой и друг: «коли не дашь—прости,
На сторону врага могу я перейти.
Тогда нарушится наш дружеский союз,
А к дружбе не легки возвратные пути».
Захватчиков всегда достаточно у нас
Вскружится голова — попробуй лишь, сочти!

* * *

Режь мясо, угощай собравшийся народ.
Поддержки хочешь ты, так не скупись на скот.
И вот уж каркает народ, как воронье,
Кто, дескать, больше даст, тому мы и оплот.

* * *

Замыслив изменить, не ждут расплаты срок.
Ответственность сознав, кто клятву дать бы мог?
Вот почему других преследуя, как псы,
Стараются куснуть и взять хотя бы клочок.

* * *

Я, — русский говорил, — тебе свободу дам,
Считаться буду с тем, кого ты выбрал сам.
Но лучше жить не стал от этого народ
Чиновники во всем чинят обиду нам.

* * *

Обманом, плутовством живет и жил народ,
А станешь упрекать и глазом не моргнет.
Да есть ли где народ, который бы хотел
Довольствоваться тем, что бог ему пошлет?

Сын за отцом следит, за старшим — младший брат.
Какие страшные нам годы предстоят.
О, будьте прокляты доносы и слова
Того, кто за овцу душой продаться рад!

* * *

Будь проклят каждый день клянувшийся язык,
Будь проклят тот, кто брать за клятвы скот
привык,
Кто за короткий день клянется сорок раз
И проклят будь закон, доящий куулик*,
И проклят будь навек бесстыдник и хвостун
Для выгод сотни раз меняющий свой лик!

1886 г.

* Куулик — молодая кобыла, в первый раз ожеребившаяся и дающая мало молока.

Но нечестность к добру никогда не ведет:
Раз — другой удается, и лопнет потом.

* * *

Жизнь свою человек должен счастьем считать,
Жить разумно и честно, добро наживать,
А меж тем по аулу болтается он,
Лишь позором я лень эту мог бы назвать!

* * *

Для невежды бесчестный понятен совет,
Он усвоит не умные речи, а бред.
Справедливым словам не внимает глупец,
Правду гонит и верит тому, чего нет.

* * *

Любят сказки они и живут стариной.
Их влечет серебро и берчек * золотой.
Но к словам аксакалов, ученых, отцов,
Иль надменно глухи, иль враждебны душой.

* * *

Умный волос разделит на сорок частей.
Он всегда знает верную цену вещей,

* Покрывало поверх головного убора.

Близко старость, не спим, думы ночью томят.
В них былая обида вливает яд.
Друга нет, кто бы в горе понял тебя —
Кто б делиться в тобою в несчастье был рад.

* * *

Все умрем мы, всем старость нам суждена,
Не восстать никому от вечного сна.
Счастье, пройденный путь — ляжет все позади,
Все изменит, судьба неизменна одна.

* * *

Зову разума, воле — внимает герой,
Слабовольный склоняется перед судьбой,
А лентяй добровольно всему подчинен,
На поступок не может решиться прямой

* * *

Если плох человек, он живет не трудом
А привычною хитростью и воровством.

В нем живут и судья и весы, а глупец
Может слушать лишь общее мнение людей.

* * *

В душе — народу враг, а внешне — за народ
Живого продает, пред мертвым слезы льет,
Когда удачливый встречается ему,
Он шепчет с завистью: «во всем ему везет».

* * *

Когда в народе спор, шайтан уж тут как тут,
А люди честные, печалась, прочь идут,
Не думая о том, что и на них вина
За то, что спорящих тотчас же не уймут.

* * *

Чтоб их заместили, они создать спешат
В народе много групп и тем ввести разлад.
Но кто возвысился таким путем, всегда
Терзаньям совести подвержен — рад не рад.

* * *

С народом не всегда удастся совладать,
Нечестность с честностью кто сможет уравнять?
Кто из тщеславия стать хочет волостным
И пресмыкается — тому, добра не ждать!

1886 г.

Им впереди простор, а сзади узкий путь.
У плута выгодно им знания почерпнуть,
И каждый мнит себя всеильным, знатоком,
И не боится жить обманами ничуть.

* * *

Им так всегда идет бумажный их халат,
Свой пояс затянув, шагают — не глядят!
От постоянного сгибания надо лбом
Тымака* грязного ушки всегда торчат.

* * *

Их шапка белая и летом так бела!
И трость в руках у них всегда чиста, светла.
Они ее, придя, втыкают в керече**,
И шапку вешают, чтоб всем видна была.

*Малахай, шапка

*Деревянная решетка юрты.

* * *

Со всеми за-просто те люди с юных лет,
Стараются задеть, пускают шутки вслед,
Всегда рисуются, бровями поводя,
И прикрываются гримасой средь бесед.

* * *

В народе множество притворщиков таких,
Не знающих труда, надменных и пустых.
Не внутренняя суть — им внешность дорога,
Быть щеголем всегда — одна лишь мысль у них.

И мысли нет у них пасти ночами скот,
Трудиться, чтоб тебя мог уважать народ.
На взмыленном коне блуждают здесь и там
И ни один к тебе лица не повернет

1886 г.

Пусть в чуждом роде у тебя
Есть сверстники или друзья,
Пусть много знает тайн твоих
Твой друг вернейший средь других,
Будь только горем поражен,
Вмиг о тебе забудет он
И, старой дружбе вопреки,
Доверенную тайну сам
Расскажет всем твоим врагам.

* * *

Он, встретившись с врагом твоим,
Заискивает перед ним,
Твердит: «Прекрасно! Молодец!
Ты одолеешь наконец,
Смелее! Ты непобедим!»

* * *

А друга старого найдет,
С ним разговор другой ведет.

Ему он твердо скажет: «Мне
Хотелось вывести вполне
Что думает твой злейший враг».
Проклятый, он клянется так,
Он, совесть позабыв, в твой дом
Готов всегда зайти, как гость.
Пусть другом мы его зовем, —
Он к нам питает только злость.

* * *

Коль много у тебя врагов,
Будь к одиночеству готов.
Друзья покинут и, «любя»,
Уйдут скорее от тебя.
Так даже враг не очернит,
Как будут клеветать они.
Предательство для них пустяк,
Друзья — вот кто наш злейший враг.

* * *

Злопамятны к родне своей,
Они бессмысленней детей.
Не разбираются ни в чем
Ни в лучших чувствах, ни в плохом.

* * *

Скота не тратя для друзей
И жизнью не рискуя своей,
Они умеют понимать
Как между трудных сложных дел
Порою надо проскользнуть.

Когда тебе не мил весь свет,
У друга первого в ответ
Никчемный ты найдешь совет.

* * *

Едва нас горе посетит,
Друг недовольный примет вид,
А почему — не объяснит.
Спешит тебя покинуть он —
Так ничему не научен.

* * *

А если снова позовет, —
Опять сбегается народ.

* * *

И молодцы вас окружают,
Из них служить вам каждый рад,
Врагов побьют и оглушат —
Так в тихий час кричат они,
И так молчат в лихие дни.

* * *

Послушай только их совет —
Тебе от них отбою нет.
А скажешь что-нибудь не так —
И тотчас ты им — худший враг.

У каждого из них родня,
Увы, до черного лишь дня.
Коль дождь идет, она твой любит дом,
И в ясный день она в жилье твоём
Нет, как ее ты ни кляни,
Нам нет спасенья от родни.

* * *

Хороших родственников людей,
Незаменим в семье своей
Он краснобай и остро слов,
Но среди лучших остряков
Он нерешительно молчит,
(И у него трусливый вид),
Все остроумье растеряв, —
Зато уж на свободе он
Несдержанностью вдохновен.

* * *

Они невежды для чужих,
Нет доброго характера у них.
Гнилой высокомерности полны,
И лицемеря, и кичась,
Ни в чем не преуспеют болтуны.

* * *

Когда другой обижен им,
Он мыслит: я непобедим.

Коль неудачу терпит сам,
Ему причину отнести
Приятней к близким иль врагам.

* * *

Он не внушает страх собой,
Его бояться — труд пустой.
Наедине с собою он
В корысть и жадность погружен.

* * *

Он любит брань, в остротах соли нет,
И что ему, когда дают совет!
К своим ошибкам он давно привык,
Упрям как бык.
Такие родичи вредны
Утехой и поддержкою они
Вам быть, конечно, не должны.

* * *

Народ забыл, что он и сам
Устал потворствовать плохим делам.
Ужель когда-нибудь он весь
Подобен будет грозным псам?

Не хвастай, коль не учен,
Будь скромностью наделен.
Зачем походить на тех,
Кого зовем: пустозвон.

* * *

Пяти вещей избегай,
Пять качеств приобретай,
И будешь ты человек,
Который болел душой,
Чтоб честно прожить свой век.

* * *

Вот пять твоих злых врагов:
Лень, сплетня, ложь, хвастовство,
Растрата добра своего.

* * *

И пять друзей тебя ждут:
Ум, воля, незлобливость, труд
И то, что выносливостью зовут.

* * *

При виде позорнейших дел,
Желаньям своим ставь предел,
При виде добра — за ним
Иди, непоколебим.
Учись всему, чтоб потом
Быть знающим, жить умом.
Ученым можешь не стать,
Но стремись ему подражать.
Коль знание полюбил,
Не говори, что не хватит сил.

* * *

В ученье — добро и свет,
Так слушай ученых совет:
Иди с любовью за тем,
В чьем слове науки свет.

* * *

Не верь, не проверив умом,
И твердо стой на своем,
Коль истину ты узнал —
Чтоб там ни твердил аксакал,
И что бы сосед ни сказал.

* * *

Не поддавайся глупцам,
Хотя бы ты умор сам.
Ведь то не «аят», не «кадис»,
Не скажут, что ты «кафир»,

Сколько б ни говорил.
Запомни слова мои
И мысли от всех тай.

* * *

Не имя запомни, а мысль
Того, кто это писал.

* * *

У нас краснобаи живут,
Подобные соловью,
И те, кто похож на дуль-дуль.
Коль с истиной ты знаком,
То все измеряй умом.
Неправильное отбрось,
Что слушать бы ни пришлось,
А к истине слух обрати,
Обдумай все и сочти.
Умных мало, а глупых тьма.
В толпе не найдешь ума.

* * *

Не верьте приятным словам,
Что скажут близкие нам.
И каждое слово глупца
Проверьте сперва до конца.
Я это советую вам.

* * *

Коль все усвоишь умом,
Коль будешь брезговать злом,
Ты вырастешь в мыслях своих;
А станешь слушать других
И все беречь для себя, —
Впустую работа твоя.

* * *

Друзей по словам выбирай,
Но слов для друзей не теряй,
Коль правды не разберешь
И будешь один — не пеняй.

* * *

Писавший — был раб ума,
Сказал Дувайны *, Гулама **,
И речь его права.
Обдумай эти слова,
В тебе они пусть живут —
Ведь в юности думы цветут*.

1886 г.

* Имя.

** Ученый мулла.

Что нужно, чтоб легко народом управлять?
Любить, что любит он, быть замкнутым, молчать,
Не требовать того, что невозможно дать,
Не возносясь, себя с достоинством держать!

* * *

Не будь растерянным, когда решений нет,
Коль нужно, у других порой проси совет.
Одних насмешкою исправиться заставь,
И ободряющий другим давай ответ.

* * *

Быть трусом никогда нельзя перед толпой.
Держись с достоинством, всех выше головой.
И резкость иногда не плохо проявить,
Но с осторожностью и с должной прямою.

* * *

Умей при дележах быть скромным. Никогда
На трупах вороном не будь, не то — беда.

Народ — дитя, нельзя насильничать над ним,
Возьми свое тайком — не будет в том вреда.

* * *

Спокойно говори среди чужих людей,
Но в трудных случаях, конечно, будь хитрей.
Народу находи врагов среди чужих.
И, весь налог собрав, присвой его скорей.

1894 г.

Все врозь идет. Народ то здесь, то там
Шушукается по углам.
От этого и битимши*,
В аул приехав за скотом.
Ни с чем уедет на коне своем.

* * *

Нет биев здесь, что жить одной семьей
Все раз'езжаются домой.
Успеха добивается с трудом
Лишь тот, кто бия подкупил рублем,
Кто с ним успел увидеться тайком.

* * *

Коль русские зовут на с'езд степной,
То заодно с народом волостной.

* Битимши—уполномоченный для переговоров о возвращении уведенного скота.

Голодный бий и хитрый старшина
На с'езде наживаются сполна.
А если с'езд без русских — никогда
Аулы не являются туда,
Никто не может спора разрешить
И полностью по иску получить.

* * *

Народом темным правя, говорю
Слова, что часто произносят зря,
Теперешние воротилы — там и тут —
Надеждой на грядущее живут.

* * *

Едва сойдутся дело обсуждать,
За честь народа некому стоять.
Достоинства в них нет перед чужим,
Им унижаться надо перед ним,
Вот почему все их дела — как дым.

* * *

В народе испорченном «тобыкты»
Все они плутнями заняты.
На все они с жадностью глядят,
Завидуют тем, кто стал богат,

* „Тобыкты“—род Абая.

А сами все долги свои таят.
Без толку растратив казахский скот,
Среди неприятностей и забот
К несчастьям они привели народ
И самые лучшие из них
Не в силах исправить глухих и злых.

* * *

Пред бестолковиною такой
Теряет надежду род чужой.
Обманам не видно и конца
И не осталось у нас купца,
Который мог бы долги собрать.
У сильных в роде нечего взять,
Карманы торговцев давно пусты
А все их мысли вокруг «борамты» *
Их ненавидит наш народ,
Но сам уже стал совсем не тот:
Из-за ничтожных стал сам плохим,
Лишь по привычке нужен другим.
Стыдно, что нет уже никого
Кто жил бы для рода моего!

1887

* Насильственный угон скота.

Охраняет бай им собранный скот
И за сотню десять своих дает.
Девяносто хочет он нарастить,
Ну не проклят ли богом такой народ?

* * *

Бай ездят, чтоб выпить воды Иртыша *
И доносы начальству подать спешат.
Всем им кажется, будто народ в их руках.
Возвращаются гордо — довольна душа.

* * *

Исхудают их лошади от суетни,
Бай входят в расходы, хлопочут они,
Кто их создал такими, что кажется им
Подозрительным каждый, кто долго молчит?
И пока пребывает в испуге народ,
Бай проклятый на лошади в город спешит.

* То-есть ездят в Семипалатинск.

Бай всегда побеждает того, кто слабей —
С дней далеких обычай такой повелся.
И чтоб было кого натравить на людей
Он без привязи держит рычащего пса.

1886 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Весна	5
Осень	8
Зима	10
На щеках у них лед и жар	12
Глаз моих ты зрачек	14
О красоте	18
Вдоль спины заплетенные косы лежат	20
Язык любви	21
Послание юноши к девушке	22
Послание девушки к юноше	24
Ты помнишь молодости пыл	27
Красивой песней под струнный звон	29
Радость жизни, о сердце, пей	31
Я стихов не пишу для забав людских	33
Стих—это вождь	35
Кумыс	38
Я не думал о знаньи, как был молодым	40
Чего ты ищешь, сердце, что с тобой?	41
Все длиннее синяя тень	43
Далекий путь за моей спиной	45
Желаний в старости все более у нас	47
Близко старость, не спим, думы ночью томят	50
Им впереди простор, а сзади узкий путь	54
Пусть в чуждом роде у тебя	56
Не хвастай коль не учен	60
Что нужно, чтоб легко народом управлять?	65
Все врозь идет. Народ то здесь, то там	67
Охраняет бай-им собранный скот	70

Ответ. редактор *Л. Архангельский.*
Технический редактор *П. Курочкин,*
Художник *П. Шах-Назаров.*
Корректор *П. Баходдина.*

Сдано в набор 14 июня 1936 г. Под-
писано к печати 26 июня 1936 г. Об-
ем 1,6 уч. ав. лист. 2 $\frac{1}{4}$ п.л. Тираж 7000.
Заказ № 521. Индекс Х-4в. Уполно-
моченный главлита № 14-1705

Отпечатано в Книжно-Журнальной
типографии НКМП Каз. АССР
г.Алма-Ата, Узбекская, 11. Заказ 103.
Переплет изготовлен в типографии
ОГИЗа треста „Полиграфкнига“
г. Алма-Ата, Карла Маркса, 51

Цена 75 коп. Переплет 1 руб. 15 коп.

